

ФУНКЦІОНУВАННЯ СЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ. АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ЛІНГВОПРАГМАТИКИ

И. А. Каменева
Харьковский национальный университет
городского хозяйства имени А. Н. Бекетова

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОДЕЛИ “ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ” В ПОЭЗИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Статья посвящена анализу метафорической модели “жизнь – смерть”, которая является одной из важнейших составляющих поэтической картины мира Ф. И. Тютчева. Рассматриваются лексические средства с темпоральной семантикой, репрезентирующие понятия “жизнь” и “смерть”, что позволяет выявить особенности их образного представления поэтом.

Ключевые слова: метафорическая модель, жизнь, смерть.

В поэзии Ф. И. Тютчева к ключевым метафорам, очерчивающим когнитивное пространство темпоральности, относится метафорическая модель “жизнь – смерть”.

Антиномии жизни и творчества Ф. И. Тютчева находятся в тесном взаимодействии в его произведениях. Жизненные противоречия раскрываются путем создания метафорических моделей, которые напрямую или косвенно выражают авторскую интенцию. Созданные оппозиции в тютчевской поэтике оказываются синонимами исходных понятий. Прибегая к толкованию противопоставлений в творчестве поэта, можно обнаружить ряд дополнительных символических значений, расширяющих образный потенциал его поэзии. Противопоставление жизни и смерти наиболее часто проявляется в произведениях автора, особенно позднего периода.

Целью статьи является рассмотрение языковой составляющей одной из ключевых метафорических моделей поэтической картины мира Ф. И. Тютчева – метафоры жизни и смерти, совмещающей в себе темпоральные характеристики.

В языковой картине мира Ф. И. Тютчева жизнь человека представлена множеством метафорических моделей: циклической, линейной моделью жизни, репрезентующей периоды жизни человека в терминах суточного и годового циклов (*утро жизни, закат жизни*) и многими другими.

Рассмотрим, каким образом развивается метафорическая модель, в основе которой лежит архетипическое противопоставление жизни и смерти, света и тьмы, дня и ночи. Метафоры этой группы организуются в определенное метафорическое поле.

При анализе метафорических сочетаний выделились следующие группы:

1. Жизнь как бытие, как окружающая нас реальная действительность.

С понятием жизни в произведениях Ф. И. Тютчева могут связываться как отдельно взятые слова, так и целые гнезда однокоренных слов: *живой, животворящий, живущий, жизненный, жизнь, безжизненный, пережить, отживший, оживший, оживить, оживление, ожить*: *Поймет ли он, чем ты живешь?* (“Silentium!”); *Ах, и не в эту землю я сложил Все, чем я жил и чем я дорожил!* (“Итак, опять увиделся я с вами...”); *стражду, не живу...* (“Не говори: меня он, как и прежде, любит...”); *И эта вера не обманет Того, кто ею лишь живет* (“А. В. Плетневой”); *Живые мысли божества!* (“Одиночество”); *Небесный луч <...> Рисует радуги живые На тучах жизни громовых* (“Слезы”); *Каждый камень в ней живой* (“Славянам”); *Тут целый мир, живой, разнообразный* (“Е. К. Зыбиной”); *Во взорах – луч животворящий* (“Песни радости” из Шиллера) и т. п.

Антропоморфная метафора помогает усилить символическое наполнение строк, которое связано с мыслью поэта о том, что все в природе проникнуто энергией жизни, созданные ею существа несут в себе частицу природного бытия, в их действиях заключена первозданная, хаотическая сила, противостоящая силе человеческой, упорядоченной.

Для метафор с определяемым компонентом, обозначающим сердечное волнение (*сердце, страсти*) автором выбирается антропоморфизация через причастие, совмещающее в себе глагольное действие и признаковость определения. Причастие *живущий*, несмотря на единичные употребления, играет не последнюю роль для понимания сути поэтической философии Ф. И. Тютчева: *Жужжанием страстей, живущих миг один!* (“Из “Эрнани” Гюго”). В результате наблюдается синкретичность восприятия сердечных чувств – как статичных и действующих одновременно. Страсти не являются для поэта определяющими действующими началами жизни. С помощью аллитерации (*жужжание*) достигается ощущение сложности в жизни человека путем сравнения проблемы с надоедливими насекомыми.

В тютчевской поэтике лексема *жизнь* является достаточно распространенной. Вся полнота жизни охватывает весь мир, что накладывает отпечаток на синтагматические отношения слова, увеличивая его

валентность. Яркие адъективы, раскрывающие разные стороны и исходы жизни, расширяют синтагматический потенциал данной лексемы: *беспощадная, благодатная, божески-всемирная, невозвратно-пережитая, роковая, смертная, таинственная*. Также поэт использует глаголы, сочетающиеся с данным существительным: *воскресла, встрепенулась, обхватила, отошла, тлится, тяготеет, угасла*.

Поскольку *жизнь* является философским понятием, это объясняется ее семантической абстрактностью, которая при ситуативном контекстуальном оформлении приобретает конкретность за счет акцентуализирующих компонентов.

2. Жизнь как состояние всего живого от зарождения до смерти.

Данная метафорическая модель у Ф. И. Тютчева встречается наиболее часто: *Живая жизнь давно уж позади* (“Брат, столько лет сопутствовавший мне...”); *Стихи во пренъе, Жизнь в измененье – Вечный, единый поток!* (“Из “Фауста” Гете”); *Тут не одно воспоминанье, тут жизнь заговорила вновь...* (“Я встретил вас – и все былое...”); *Ни звуков здесь, ни красок, ни движенье – Жизнь отошла...* (“На возвратном пути”).

Обращает на себя внимание не только разнообразное метафорическое употребление слова, но и создание повторяющихся контекстов (*живая жизнь*), усиливающих при помощи однокоренных слов внутреннее напряжение смысла в строке. Значения слова *жизнь* дают возможность для образования сочетаний с метафорическим и антропоморфным смыслом. Жизни приписываются свойства, характерные для человека: *заговорила, отошла*. Благодаря использованию глаголов, *жизнь* показана в постоянном движении, изменении. Это обусловлено включением понятия *жизнь* в систему основных философских категорий, на котором строится ее очеловечивание.

3. Жизнь представляется как нечто эфемерное, трепетное и хрупкое.

Антропоморфность в контекстах открывается за счет приближения жизни к лирическому герою, предмету, наделенному душой (*оргán*), при этом ощущается семантическое сужение предмета речи до определенных рамок: *И наша жизнь стоит пред нами, Как призрак на краю земли* (“Бессонница”); *Не их вина: пойми, коль может, Органа жизнь глухонемой* (“Не то, что мните вы, природа...”); *И незаслуженным позором На жизнь ее она (любовь) легла!* (“О, как убийственно мы любим...”). Слово *жизнь* создает вокруг себя самое разнообразное метафорическое окружение.

4. Жизнь представляется как постоянное движение при помощи водных образов.

Образ морской волны как метафорическое переосмысление жизни человека у поэта представлен двояко: как бурная, мятежная стихия, *пучина морская*, находящаяся в постоянном движении (*бунтует, клокочет, хлещет*):

Беспрерывно вал морской С ревом, свистом, визгом, воем Бьет в утес береговой... (“Море и утес”); По-прежнему шумят и ропщут волны... (“Вопросы (Из Гейне)”); и как спокойная, мелодичная: Сны играют на просторе Под магической луной И баюкает их море Тихоструйною волной... (“По равнине вод лазурной...”).

Находясь в постоянной активности, волна реализует особый вид кругового движения, что является у Ф. И. Тютчева своеобразным знаком насыщенности жизни: *И бунтует, и клокочет, Хлещет, свищет и ревет, И до звезд допрыгнуть хочет, До незыблемых высот... (“Море и утес”); Зыбь ты великая, зыбь ты морская, Чей это праздник так празднуешь ты? Волны несутся, гремя и сверкая, Чуткие звезды глядят с высоты (“Как хорошо ты, о море ночное...”).*

5. Жизнь как период существования человека, как день.

Метафорические сочетания данной модели включают непосредственное сопоставление жизни с днем или даже прямо называют жизнь днем: *Если смерть есть ночь, если жизнь есть день (“Мотив Гейне”)*. Такое понимание жизни вытекает из противопоставления дня и ночи, жизни и смерти. Часто следуя поэтической традиции, образы *день* и *утро (заря)*, *полдень* Ф. И. Тютчев соотносит с жизнью человека (*жизнь – день*), а *вечер, ночь* – со смертью (*смерть – ночь*) [1, с. 136–197].

В циклической модели жизни у Ф. И. Тютчева день не противопоставляется ночи. Поэт обращает внимание на повторяемость движения в природе, воспроизведения его в каждом новом круге: время каждой человеческой жизни представляет собой замкнутый круг, жизненный цикл. Мысль о круговороте человеческой жизни нашла отражение в одном из устойчивых в лирике Ф. И. Тютчева образов – образе *венка*, в котором соединяются представления о цвете жизни, ее увядании, конце: *На древе человечества высоко Ты лучшим был его листом... Был многих краше, многих долголетий И сам собою пал – как и венка!; Вечер пламенный и бурный Обрывает свой венок... (“Под дыханьем непогоды”).*

Жизнь в этой модели представляется как вечное вращение по кругу, бесконечное повторение одних и тех же событий. День и ночь в этой модели – закономерно и естественно наступающие друг за другом периоды жизни человека, и рассматривать их нужно в ряду: утро, день, вечер, ночь, где дню соответствует период зрелости человека, а ночи – смерть. При метафорическом использовании слово *день* наделяется теми же эпитетами, что и в прямом значении. Образ *дня* выделяется разработанностью синтагматических связей: сочетается с различными определениями (*утренний, вечерний день*) и глаголами (*вечереет, клонится к закату, угасает*). Из префиксальных образований отметим яркий глагол *отжиться*, существующий в тютчевском творчестве в форме причастия *отживший*:

встретил вас – и все бывшее В отжившем сердце ожило (“К.Б.”). Глагольные префиксы по своей семантике не разноплановые, они придают контексту ощущение возвращения к жизни. Использование однокоренных слов в одном предложении связано с усилением смысла, разделенного между частями предложения: причастие *отживший* констатирует смерть сердечных чувств, а глагол *ожило* – их возвращение. Таким образом, внутри контекста происходит циклическое движение, перетекание смысла, подкрепленное словообразовательными и морфологическими свойствами.

Метафоры света также интерпретируют жизнь как день: *День – сей блистательный покров – День, земнородных оживленья*. Свет, как правило, в противопоставлении ночи и темноте актуализирует устойчивые, однозначные ассоциации света как атрибута дня с радостью, любовью, счастьем. Но следует отметить, что для Ф. И. Тютчева любовь и производные, обозначающие состояния, длящиеся некоторый период времени, сопоставимы не с жизнью, а со смертью, сном, забвением (каждое из этих понятий, в свою очередь, наделяется темпоральной семой): *О ты, последняя любовь! Ты и блаженство и безнадежность* (“Последняя любовь”); *Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье, И рано ль, поздно ль пробужденье, А должен наконец проснуться человек* (“В разлуке есть высокое значенье...”); *Сияй, сияй, прощальный свет Любви последней, зари вечерней!* (“Последняя любовь”); *“Но без любви, без солнечных лучей”* (“Есть и в моем страдальческом застое...”). Так как эмоции и чувства всегда индивидуальны, метафоры света характеризуют жизнь человека в социальном плане. Следовательно, перед нами омонимия метафорических образов, относящихся к разным метафорическим моделям.

Метафорическая модель, представляющая жизнь человека в образах *света и огня*, возникает в результате регулярного метафорического переноса из семантической сферы физического мира в область абстрактного. Источником метафоризации послужило противопоставление дня и ночи, света и тьмы, а также отождествление ночи и темноты со смертью, а дня и света с жизнью. “Свет и тьма, день и ночь в мифологической модели мира одно из основных противопоставлений <...>, соотносящееся с главными элементами мироздания (стихиями) – небом, огнем (солнцем) и водной стихией, преисподней, луной и т. д., в конечном счете с добром и злом” [2, с. 669].

6. Жизнь как нечто, в результате горения излучающее свет и тепло.

Символами жизни у Ф. И. Тютчева являются традиционные образы *огня, костра*. Но эти образы встречаются в разных контекстах. *Огонь* представлен как всеобъемлющее, всепоглощающее пространство, как жизнь вообще, а костер – это только одно из проявлений огня, локализованное в пространстве.

Огонь поглощает все костры. Когда костер начинает угасать, образуется дым. Дым – это переходное состояние между жизнью и смертью (огнем и золой).

Разным этапам процесса горения соответствуют следующие метафорические модели: *огонь живой, живые искры, горячая зола, скудный дым, тлится жизнь, дымится свиток и сгорает, уходит дымом, потухший костер*.

Огонь как символ силы и активности с ярко выраженным антропоцентрическим признаком, сопровождается у Ф. И. Тютчева положительной и отрицательной коннотацией. Устойчивые образные представления об огне как активной, деятельной силе воплощаются в глагольных наименованиях с семантикой интенсивного действия: *тлится, сгорает, пожирает, уходит дымом, просиял, погас, дымится*.

Символом жизни человека является и рукопись (у Ф. И. Тютчева это свиток). На примере стихотворения “Как над горячею золой” мы видим, что традиционный образ огня (жизнь) меняет свое символическое значение: *Как над горячею золой Дымится свиток и сгорает*. Глаголы *дымится, сгорает* говорят о медленном угасании жизни: *так грустно тлится жизнь моя*. Огонь – это мифологический образ, символизирующий течение жизни. Ф. И. Тютчев, обращаясь к традиционному образу огня, нарушает принятое наполнение символов (приравнивание жизни к огню, а смерти – к угасанию огня). Жизнь здесь уподобляется свитку, сгорающему на огне, вследствие чего огонь становится символом существования. Жизнь в образах огня, постепенно подходя к концу, догорает: *Нет боле искр живых на голос твой приветный – Во мне глухая ночь, и нет для ней утра... И скоро улетит – во мраке незаметный – Последний, скудный дым с потухшего костра...* (“Другу моему Я. П. Полонскому”); *Так грустно тлится жизнь моя И с каждым днем уходит дымом, Так постепенно гасну я В однообразье нестерпимом!...* (“Как над горячею золой...”).

В метафорической модели жизни как огня, горения человек понимается как сосуд, наполненный особой субстанцией – жизнью, способной гореть, обеспечивая тем самым полноту проявления жизненных сил. Так как процесс горения предполагает следующие этапы: разжигание (начало), горение (течение процесса), максимальное проявление и угасание, превращение в уголь, пепел (конец процесса), модель *жизни – горения* наполняется глагольными метафорами, в которых актуализируются значения начала, протекания, конца, а также значение интенсивности (*жизнь пылает*).

Слова и сочетания, относящиеся к угасанию или умиранию выражают отношение поэта к жизни (большая часть – это традиционные образы или непосредственно связанные со смертью атрибуты). Смысл образа “смерти” раскрывается с помощью метафор и сравнений, несущих негативную коннотацию, хотя смерть у поэта предстает органическим завершением

жизни. Она не враждует с жизнью, но является ее неотъемлемым финалом – окончанием времени жизни.

У Ф. И. Тютчева понятие *жизни* всегда противопоставлено понятию *смерть*, а состоянию *жить* – состоянию *умереть*. Смерть для поэта – это своеобразный переход из одного состояния в другое: *Есть близнецы – два земнородных Два божества – то Смерть и Сон* (“Близнецы”); *Но Смерть честней чужда лицепрятью, Не тронута ничем, не смущена...* (“Две силы есть – две роковые силы...”); *Все тот же запах роз... и это все есть Смерть!..* (“Mal’aria”). Смерть рассматривается как символический объект, наделенный человеческими свойствами и качествами. Метафорическое перенос приближает потустороннее к человеческому восприятию, делает его более понятным, близким, а значит, менее страшным: *смерть* есть божество, роковая сила.

Таким образом, коннотативные значения *смерти* делают ее одним из важнейших объектов поэтики Ф. И. Тютчева. *Смерть* для поэта есть самостоятельный символический объект. Даже в контекстах с союзом *и* прослеживается принцип сопоставления, а не однородности: *смерть и сон, смерть и суд людской*.

В представлении *смерти* через образ *сна* поэт часто пользуется такими глагольными метафорами: *заснуть вечным сном, уснуть навек*; адъективными метафорами: *сон вечный, сон железный, мертвенный покой*, в которых актуализируются семы конца. *Сон* воспринимается Ф. И. Тютчевым как уход от мирской суеты: *Она заснула в добрый час... И спит она... и сон ее глубок!...* (“Итальянская villa”).

Понимание жизни и смерти у Ф. И. Тютчева представляется ассоциативно, через обращение к мифологическим образам. Противоречия самой жизни передаются в поэтических антитезах, выражающих авторскую позицию, – при этом поэт часто совмещает в контекстах эти понятия. Так, у Ф. И. Тютчева противопоставлены не только *жизнь* и *смерть*, но и метафоризируются *смерть* и *сон*, названные близнецами. В данном контексте можно отметить антропоморфное обозначение *смерти*, которая приобретает человеческие черты и ассимилирует слово *сон*, отражающее отношение поэта к миру и человеку в нем.

Кончина в тютчевских контекстах используется без метафорического переосмысления действительности: *О, сколько души, тебя любивших... Твой ранний поразит конец!* (“Памяти М. К. Политковской”). *Кончина* тождественна понятию *смерть*, что связывает между собой мир человека и мир природы: *Как часто пред кончиной дня... Крестом сложивши руки, Стоял он* (Из “Пятого мая” Мандзони). Уподобление окончания дня и смерти человека указывает на трагичность описываемых в стихотворении событий, а

также восприятие лирическим героем мира как отдельного существа, способного жить и умирать.

Индивидуальное представление Ф. И. Тютчева о жизни и смерти осуществляется в следующих направлениях: расширение имеющегося в языке объема значений слов *жизнь* и *смерть* за счет внесения дополнительных коннотативных оттенков; символизация объективного значения; включение в структуру слов темпоральных смыслов.

В поэзии Ф. И. Тютчева *жизнь*, поскольку она конечна, необратима, соотносится с линейной моделью времени, вербализующейся в образно-метафорических структурах: *жизненное бытие* – как временной промежуток (*невозвратно-пережитая, смертная*), *огонь живой, горячая зола, живые искры*; *жизнь* ассоциируется с *зарей, утром, днем*; а *смерть* – с *закатом, вечером, ночью*. На фоне линейного времени формируется циклическое время, характерное для описания явлений природы и представляющее “*жизненные круги*” человека в образе *венка*. Но Ф. И. Тютчев пытался преобразовать линейное – жизненное – время в циклическое, вовлекая его в круговорот вечного возвращения.

Жизнь и смерть, обозначающие отвлеченное философское понятие, у Ф. И. Тютчева наиболее приближены к традиционному пониманию сущности человека. Это происходит в силу закрепленных в языке и сознании представлений о них как о мифических или религиозных объектах, наделенных рядом не требующих дополнительного объяснения качеств, отраженных с помощью символов.

Л и т е р а т у р а :

1. Григорьева А. Д. Слово в поэзии Тютчева / А. Д. Григорьева. – М. : Наука, 1980. – 248 с.
2. Большой энциклопедический словарь. Мифология. – М. : БРЭ, 1998. – С. 669.
3. Логический анализ языка. Культурные концепты. – М. : Наука, 1991.
4. Тютчев Ф. И. Стихотворения / Ф. И. Тютчев. – М. : Правда, 1978. – 319 с.

R e f e r e n c e s :

1. Grigoryeva A. D. Slovo v poezii Tyutcheva [Word in the poetry of Tyutchev] / A. D. Grigoryeva. – M. : Nauka, 1980. – 248 s.
2. Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar. Mifologiya [Big encyclopedic dictionary. Mythology]. – M. : BRE, 1998. – S. 669.
3. Logicheskiy analiz yazyka. Kulturnyye kontsepty [Logical language analysis. Cultural concepts]. – M. : Nauka, 1991.
4. Tyutchev F.I. Stihotvoryeniya [Poems] / F. I. Tyutchev. – M. : Pravda, 1978. – 319 s.

Каменева И. А. Мовні засоби метафоричної інтерпретації моделі “життя – смерть” у поезії Ф. І. Тютчева.

Стаття присвячена аналізу метафоричної моделі “життя – смерть”, яка є однією з найважливіших складових поетичної картини світу Ф. І. Тютчева. Розглядаються лексичні засоби з темпоральною семантикою, які репрезентують поняття життя і смерть, що дозволяє виявити особливості їх образного втілення поетом.

Ключові слова: метафорична модель, життя, смерть.

Kamyenyeva I. A. Language interpretation of metaphorical model “life – death” in the poetry of F. I. Tyutchev.

The article deals with the analysis of metaphorical model “life – death” in the poetry of F. I. Tyutchev. The article contains the lexis with temporal semantics, representing the concepts life and death and making it possible to show the peculiarities of poet's figurative representation. Special attention is given to investigation of metaphorical images of life and death correlating with emotional and psychological states and sacral concepts as well as the article is devoted to revealing cognitive classifiers of life and death. It is argued that poetic images of life and death exist not by itself but enter a group of similar images and thus represent a certain “variant” among others, realizing a kind of metaphoric “invariant”. The latter existing in the poetic conceptual view of the world, finds various linguistic expression. Peculiarities of life and death reflection in the poetry of F. I. Tyutchev are determined on the basis of anthropomorphical categories.

Keywords: metaphorical model, life, death.

Л. В. Кравець
Національний педагогічний університет
імені М. П. Драгоманова

КОНЦЕПТУАЛЬНА МЕТАФОРА В МОВІ УКРАЇНСЬКОЇ ПОЕЗІЇ ХХ СТ.

У статті описано закономірності змін концептуальної метафори в мові української поезії ХХ ст. Розкрито механізм формування метафори. Схарактеризовано іманентні ознаки концептуальної та художньої метафор. Доведено, що концептуальна метафора є основою виникнення художньої метафори. Визначено лінгвокогнітивну основу та соціокультурні детермінанти динаміки концептуальної метафори. Визначено найпродуктивніші концептуальні метафори та проаналізовано їх динаміку в досліджуваних джерелах. Виявлено хвилеподібний характер процесів метафоризації в мові української поезії ХХ ст.

Ключові слова: концептуальна метафора, художня метафора, динаміка концептуальної метафори, донорська зона, реципієнтна зона, метафорична проекція, аналогізація, профілювання, мова української поезії.

Метафора – це один із найпродуктивніших способів збагачення мови, який здавна привертав увагу філософів, логіків, мовознавців. Тривалий час її вважали образним засобом, заснованим на переносному вживанні слів і призначеним орнаментувати художній текст та забезпечувати успішність впливу його на адресата. Інтелектуальний розвиток людства в другій